

ТЕЛО УПЫРЯ

КОЛОТВИН ЕГОР

Егор Колотвин

Тело упыря

«Издательские решения»

Колотвин Е. А.

Тело упыря / Е. А. Колотвин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851677-1

Отважный мальчик Леша по кладбищу гулял и суеверной бабке своей все утверждал, что нет на свете нежити, ведь столько лет прошло. Но той злосчастной ночью ему не повезло. Звериный вой поднялся, лес злобно зашумел. Алеша, бедный мальчик, от страха побледнел. Дрожа, он вспоминал, что монстры лишь в кино, пока из гущи мрака не пришло оно...

ISBN 978-5-44-851677-1

© Колотвин Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Ночь первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тело упыря

Егор Александрович Колотвин

Иллюстратор Ульяна Равильевна Крахмалева

© Егор Александрович Колотвин, 2017

© Ульяна Равильевна Крахмалева, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-1677-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ночь первая

Так получилось, что этой ночью Евгений Замятин проснулся в гробу. Он пару раз открыл и закрыл глаза, и в своей сонливости так и не понял, открыты они или нет. Вокруг было настолько темно, что разницы юноша не замечал. Решив, что он еще просто не проснулся, Евгений попытался перевернуться на бок, но в самом начале движения уперся во что-то плечом. Не понимая в чем же дело, Замятин постарался перевернуться еще раз, но вновь наткнулся на препятствие. Он потянул к себе руку, но та застряла у таза, с деревянным стуком ударившись о преграду.

Раздражение, вызванное таким ограничением движений, немного прогнало сонливость, и Евгений ощутил, что лежит на чем-то твердом. Решительно ничего не понимая, он постарался встать и ударился лбом о дерево. Еще больше сердясь, он вновь повторил свою попытку, уже стараясь подтянуть к себе ноги, но колени, едва согнувшись, уперлись в доски, а руки застряли по бокам.

«Да что это такое!?!», – подумал Женя, от злости просыпаясь окончательно.

Он несколько раз сотрясся, пытаясь выбраться из непонятной тюрьмы, но на все его движения ему отвечал лишь деревянный стук. Плечи теснило, локти и кисти бились о доски в бесполезной попытке добраться до лица. Невозможность видеть еще больше злила юношу, пока раздражение не сменилось паникой. Он отчаянно заколотил по дереву в надежде, что преграда исчезнет.

«Что это такое? Где я? Выпустите! Выпустите меня!», – закричал Евгений в мыслях, а из уст вырвался отчаянный стон, нарастающий вместе с волнением. В истерике он начал колошматить все вокруг себя, пока руки не протиснулись к животу. Юноша надавил на деревянное препятствие, и доски закрипели.

– Помогите! – иступленно закричал Евгений.

Изо всех сил, насколько это позволяло крохотное расстояние, он начал бить по крышке гроба, пока не раздался надрывный треск. Щепки упали в ладони, а следом за ними настоящим потоком ввалилась влажная земля, засыпав грудь юноши.

Парень взвизгнул и высоко поднял голову, пытаясь отстраниться от неожиданно появившейся грязи. Почва, шурша, стремительно навалилась на шею и застыла только тогда, когда погребла под собой весь торс.

Еще больший страх и паника пронзили Евгения, и он, уже не отдавая себе отчета, раскидывая землю по всему ящику, в том числе и себе на лицо, высвободил руки и простер их к дыре. Вновь повалила грязь, и юноша начал кричать. Из-за нехватки воздуха он начал задыхаться. Голова закружилась, как и беспорядочные мысли внутри нее.

«Выбираться! Наверх! Быстрее, завалит!».

Руки продолжали раскидывать землю по всему пространству, пока попавший в глаза комок не убедил Евгения отбрасывать ее к ногам. Две ладони, словно острые лопаты, вышли через дыру в ящике и вонзились в землю.

Эта маленькая победа слегка отогнала чувство зажатости, но и сразу же послужила стимулом освободить самое главное – невидящие глаза.

Пальцы впились в края сломанных досок и начали с треском отрывать их, постепенно подбираясь к голове. Новая волна земли посыпалась на юношу, и как только первые ее комья попали в рот и ноздри, Евгений вновь закричал.

В панике он добил ящик над собой. Земля захлестнула полностью. Она забила в уши и веки, попала в нос и рот, не давая возможности дышать.

С огромным усилием юноша развернулся на спину, уперся руками в дно гроба и начал вставать. Сыпавшаяся земля образовывала под ним горку, которая начинала теснить тело уже снизу.

Поднявшись еще немного, он проломил дальнюю часть крышки и под натиском валящей земли встал на ноги.

Влажная почва продолжала сыпаться, прилипая к телу и лицу. Руки тут же устремились сквозь почву вверх. Земля во рту превращалась в жижу, и Евгений выплевывал ее, пуская сквозь плотно сомкнутые губы.

Спустя минуту истеричной борьбы с грязью, которая растянулась для юноши в целый час, руки пробились на поверхность и ощутили холодное касание ветра. Пальцы вцепились в землю и потащили за собой тело. Через пару мгновений лицо протиснулось на свободу, и юноша жадно вдохнул прохладный ночной воздух. Голова закружилась, точно от вина.

Он продолжил тянуть себя наверх, пока плечи не раскидали рыхлую почву, и только тогда Женя позволил себе остановиться и полноценно отдышаться. Руки тут же схватились за покрытое грязью лицо и начали судорожно растирать глаза. Евгений моргал и видел перед собой лишь муть, сквозь которую просвечивал блеклый свет. Когда же ему удалось окончательно прочистить глаза, юноша осмотрелся, стараясь понять, где он оказался.

Вокруг царил холодная ночь, шумели тяжелые и тучные сосны, за ветвями которых по небу красалась бледная луна. Ее блеклый свет, мягкой шалью ложился на кладбищенские кресты и надгробия, окруженные стальными оградками.

Евгений замер, как только необычная и казавшаяся ему дикой мысль прокралась в голову. Он обернулся, все также по плечи торча из земли, и увидел позади себя большой деревянный крест, с которого на него смотрел он сам.

«Похоронили», – содрогнувшись всем телом, подумал юноша, и дабы убедиться в этом окончательно, еще раз осмотрелся, но уже внимательнее. Ладони нащупали на земле какие-то острые прутики. Женя поднял один из них и, поднеся к свету, увидел розу. Внимание тут же привлекли ногти, сильно отросшие и заострившиеся. Парень бы заметил это и задался вопросом, как они могли так быстро вырасти, да и в такой причудливой форме, но после случившегося это волновало его меньше всего. Он еще раз посмотрел на землю вокруг и увидел несколько вялых, лежащих у самого креста, цветков. Все место окружала низкая оградка с острыми пиками на вершине.

«Моя могила... Закопали... Живого...», – подумал он, и холодок прошел по спине.

Нужно было как можно скорее выбираться и бежать к родителям, успокоить их, обрадовать, что он живой, и они по недоразумению закопали сына живьем. Он уже успел подумать о том, как те будут винить себя, как упадут перед ним на колени, стараясь выпросить прощения, но вдруг одно тяжелое, словно кувалда, воспоминание ударило по разуму. Темные глаза широко раскрылись, и в них отразилась тихая и зловещая луна.

Все детство Евгений провел в глухой сибирской деревне. Здесь же он окончил школу и, покинув родительский дом, уехал учиться в Петербург. Неделю назад дома случилось горе: старшего брата Евгения, Андрея Замятина, убило током на работе. Раздавленный горем юноша бросил университет и вернулся домой к матери и отцу.

Все время, что он провел дома, самым болезненным образом повлияло на душевное состояние парня, вселив в него чувство неисправимой утраты. Мать днями не выходила из своей спальни и рыдала порой так громко, что сквозь бревенчатые стены можно было слышать ее стоны и мольбы вернуть сына. Отец же уходил рано утром и возвращался вечером пьяный до беспамятства. Часто останавливаясь у калитки, он не в силах открыть ее, падал у забора и так и засыпал. Поэтому вся забота о похоронах и о родителях упала на плечи Евгения.

В первый же день по приезде домой он отправился в ритуальный магазин и все деньги, которые заработал в Петербурге на будущую квартиру, потратил на организацию похорон и поминок.

Когда он выбирал гроб, порой в задумчивости останавливался, смотрел внутрь ящика с пугающей улыбкой и приговаривал: «Андрейке понравится. Мягкий, хороший», а потом, под сочувствующими взглядами продавцов, шел дальше.

Как только он заканчивал дела с бюро, то возвращался домой и готовил матери поесть. Еду оставлял у порога спальни и уходил, иначе мать не открывала. Почти все время еда на подносе оставалась нетронутой, лишь изредка женщина съедала кусочек хлеба.

На третью ночь Жене пришлось вызвать скорую: у матери прихватило сердце. Она по обыкновению заперлась в спальне, но не смогла открыть, когда это случилось. Женщина позвала на помощь. Евгению повезло, что он оказался рядом. Юноша вышиб дверь и увидел мать, лежащую на полу. Заплаканное и исхудавшее лицо было бледно как у трупа.

«Скорая» забрала женщину и привезла на следующий день под вечер.

Отца же, когда тот падал пьяный у забора, Женя все три раза пытался затащить в дом. Худой, невысокого роста и слегка горбатый юноша едва ли мог подвинуть толстого и почти двухметрового мужчину, каким и являлся Николай Замятин. Обычно Евгений протаскивал его за калитку и тащил к дому, пока не падал без сил. Тогда он выносил из дома одеяло и накрывал отца, а после и сам уходил спать, но не спал.

Почти до самого утра юноша плакал, слушая, как рыдает мать за стеной и в пьяном угаре храпит отец. Парень сжимался в калачик и, прижимая к себе телефон с открытой в нем фотографией брата, представлял, что он рядом с ним.

Но не только печаль владела Евгением в те дни. Порой, к собственному стыду, в нем появлялись чувства, совсем несвойственные, как ему казалось, для горя. Его обижало то, что родители совсем забыли о нем, замкнувшись в своем горе и оставив юношу одного наедине со страданием, может быть, большим, чем у них.

«Я ведь тоже страдаю», – думал он по ночам, сжимая зубы и кулаки из всех сил, лишь бы не заскулить от давящей боли и не разбудить уснувшую мать, – «Да я был ближе с Андреем, чем вы! Так почему вы даже не подумаете, что мне может быть куда больнее, чем вам? Почему вы оставляете меня одного? Мне нужна ваша помощь! Мама, папа, я ведь вас очень сильно люблю, у вас ведь остался еще один сын. Не хороните меня с Андреем!». А потом резко передумывал и начинал винить себя и стыдить за такие мысли: «Господи, что же я говорю? Разве это не подлю в такой момент так думать и просить об этом? Не делаю же я все это лишь для того, чтобы их любовь вызвать? Подлец! За что Андрею такой брат? Мерзавец я, вот и все!». И все повторялось вновь.

С этими мыслями он проводил ночи. Утром уходил в бюро, а по возвращении весь день ухаживал за матерью, ни разу не заговорившей с ним.

За все это время он даже не встретился с Катей, которую до этого случая так горячо любил и с которой, даже когда уехал в Петербург, не прекращал общения. Он писал ей каждый день, лелея призрачную и детскую мечту о том, что, как только получит диплом и найдет работу, сразу сделает ей предложение. Сейчас же он совсем забыл о ней и вспомнил только за день до злополучной ночи.

День похорон был особенно мрачным: небо сгинуло за тучами и превратилось в свинцовую пелену, за окнами стонал и выл холодный ветер, гонявший по улице клубы серой пыли. В доме Замятиных собрались все родственники и друзья Андрея, с которыми он работал. Гроб поместили посреди зала на двух табуретках, а вокруг расставили стулья. Мать все время, пока приходили гости и до самого отпевания, не выходила. Сидела тише мыши в своей спальне, дрожа от непонятного Жене страха, словно боялась увидеть сына мертвым. Отец же, опухший

и красный от пьянства, сидел в мятом пиджаке подле Евгения, потупив безжизненный взгляд в пол. Женя так и не увидел, чтобы он хоть раз посмотрел на Андрея.

Сам же юноша не плакал. Он стоял возле гроба в окружении родственников и от непонятного ему стыда пытался выдавить из себя слезы. Ему постоянно казалось, что на него смотрят, отчего желание разрыдаться росло, но не прорывалось наружу.

«Плачь же, плачь», – уговаривал он себя и, чтобы вызвать слезы, вспоминал самые драгоценные воспоминания о брате.

От невозможности заплакать юноша начинал чувствовать себя неудобно, особенно под пристальными взглядами родственников, которые, казалось, считали его бездушным. Евгению хотелось крикнуть им:

«Да знаете вы, сколько раз я был возле Андрея эти дни? Сколько я выплакал, что уже и плакать не могу! Видели бы вы, как я рыдаю по ночам! Да мне больнее, чем всем вам! Так не смотрите вы на меня так, словно и не любил я его никогда!»

Через час пришел и батюшка, Семен Захарович, страшный любитель выпить. Лицо его, напоминавшее переспелую грушу, было красным от спиртного и заросшим густой черной бородой. Из-за большого живота, он чуть ли не на цыпочках протиснулся между гробом и стульями к изголовью Андрея и, перед тем как читать, мимоходом посмотрел на отца Жени. Тот ответил ему таким же беглым взглядом. Заметив это, юноша сразу сообразил, с кем пил в эти дни его отец.

Семен Захарович раскрыл книгу, и все окружили покойника плотным кольцом, при этом вытеснив Женю за спины. Из спальни вышла мать, в косынке, с бледным исхудавшим лицом и маленькими, впавшими в черные глазницы глазами. Он встала возле отца, и тот дрожащей рукой приобнял ее за плечо.

Евгений пытался протиснуться обратно, но неожиданно его ладонь оказалась в чьих-то теплых руках. Он обернулся и увидел Катю, тонкую девушку, с косой из русых волос, падавшей на плечо из-под косынки. Она посмотрела на Евгения, и у юноши сжалось сердце, как только он увидел слезы, заполнившие серые, полные скорби глаза. Они катились по ее маленькому лицу к кончику носа, откуда каплями срывались на пол или сползали к тонким губам. Она смотрела на Женю с такой болью и с таким состраданием, что от её взгляда, от того, что хоть кто-то понимал, насколько было больно ему самому, он заплакал и крепко сжал её ладонь.

Так они и стояли, пока Семен Захарович читал молитву. Делал он это отвратительно, бубнил непонятные слова, сбивался и забывал текст, а когда это происходило, шепотом ругался и, отыскивая жирным пальцем нужную строчку, продолжал читать дальше.

В Евгении тогда закипел гнев. Настолько тяжелый, точно его оскорбили самым унижительным образом. Семен Захарович резко опротивел юноше, и даже его внешний вид вызвал у парня отвращение, точно перед ним стояла свинья в рясе. Он даже хотел его ударить. Пусть мужчина бы и пил себе, пил один или даже с отцом, Евгений бы это простил, но то, с каким неуважением он отнесся к его покойному брату, пробудило глубокую и едкую обиду.

Сам Евгений был атеистом. Хотя порой, замечая какую-то удивительную случайность, принимал ее за знак и пытался убедить себя, что Бог все же существует, а сам он – его избранник, но как только эта случайность самым логичным образом раскрывала себя, он тут же вновь становился атеистом. Брат же был человеком набожным, и только поэтому Евгения так волновало то, как Семен Захарович его отпевал.

До кладбища Андрея провожала только родня. Батюшка ушел, как только закончил читать. Многие хотели поговорить с ним, особенно бабушки: кто о больном колене, кто о корове, умершей от сглаза соседки, но мужчина, несмотря на свою тучность, все-таки смог проскользнуть мимо и уйти.

Гроб Андрея заколотили и опустили в яму. Как только в могилу полетела первая горсть земли, мать, все время стоявшая бледная и неживая, вдруг разрыдалась и бросилась к краю.

– Сыночек! Андрейка! – кричала она, а по ее щекам бежали слезы, – Вернись! Прошу тебя, не оставляй нас! Андрейка!

Несколько мужчин, вместе с отцом оттащили её, содрогающуюся от рыданий, и отвели в сторону.

Евгений, наблюдавший за этим безучастно, даже ничего не подумал. Он устало смотрел в могилу, в которой закапывали брата, и на старух, что кидали в яму монетки под ругань мужиков.

«И снова не плачу», – подумал он тогда, чувствуя опустошение и безразличие ко всему.

С кладбища они вернулись поздно. Всю дорогу отец придерживал мать, которая еле брела по дороге. Взгляд её, пустой и безжизненный, не отрывался от земли.

Евгений же шел, размышляя о том, что жизнь его кончилась. Университет он бросил, брата похоронил, и мать, как ему тогда совершенно спокойно думалось, долго утраты переносить не сможет и тоже сляжет рядом с Андреем, а ему теперь и остается, что следить за родителями да вести хозяйство до старости. Утешало лишь одно – дурацкая детская мечта о свадьбе с Катей. Пусть он и не окончит университет, зато теперь рядом с ней. Может, хоть за это он сможет уцепиться.

С этими мыслями юноша и лег спать.

Половину ночи Евгений ворочался не в силах уснуть. Мешала луна, что подобно воровке, заглядывала в окно спальни и касалась светом лица. Парень отворачивался от ее взора, но она, отражаясь от настенных часов, вновь смотрела в глаза.

Спать мешали и стоны матери за стеной. Протяжные, словно вой животного, попавшего в капкан, они еще сильнее раздражали ум юноши. Будущая жизнь представлялась Евгению могилкой, которая с каждым годом будет становиться все глубже, погребая в себе его и родителей.

За эти четыре дня юноша уже приучился засыпать под всхлипы матери, и когда он уже почти свыкся с лунным светом, мучающим глаза, и почти заснул, послышался скрип окна в спальне, в которой спала мама. За ним, точно молитва, послышался горячий шепот женщины.

Евгений не придавал этому значения, лишь поморщился от мысли, что мать вновь начала молиться. Однако его беспокоило открытое окно. Мало ли что могла сделать убитая горем женщина. Он постарался убедить себя, что устал, что хватит с него заботы и что сам он заслужил её не меньше, но перед взором рисовалось открытое окно и мать, сбегаящая через него из дому.

Ругая себя, он все же откинул одеяло, поднялся и тихо пошел к спальне. По пути он заглянул в кухню и увидел отца, спящего на столе рядом с опрокинутой бутылкой водки. Мужчина тихо сопел и бубнил себе что-то под нос.

Евгений хотел было разбудить его и отправить спать, но странное мычание, доносящееся из спальни, вынудило тут же побежать туда.

Он распахнул дверь, ожидая увидеть мать на полу, хватающуюся за больное сердце, но то, что открылось, было куда ужаснее его представлений.

В комнате сидел посторонний и душил на кровати мать. Женщина держала неизвестного за руки и, задыхаясь, дергала ногами.

Евгений закричал что есть сил.

Незнакомец обернулся и, заметив парня, отпустил женщину. Из-под пальцев с длинными и острыми ногтями по горлу матери побежали ручейки крови, образуя на простыне уродливое красное пятно.

– Папа! – закричал юноша, пятясь назад.

Неизвестный встал с кровати. Худой и высокий, он слегка покачивался, словно был пьян или безумен. Он сделал пару шагов к Евгению. Бледный свет луны упал на лицо, и Евге-

ний вздрогнул, намертво вцепившись в косяк позади. Юношу всего заколотило. Вдох застрял в груди, а глаза в ужасе округлились. Перед ним стоял покойный Андрей.

Белая рубашка от грязи прилипла к худому телу, черные волосы торчали во все стороны, а сквозь плотно сомкнутые губы сочилась кровь матери.

– Андрей... – простонал Евгений, содрогаясь точно в лихорадке.

Мутные и темные глаза брата смотрели на него. Андрей, слегка дрожа, улыбнулся, и Евгений вскрикнул громче прежнего. Вместо обычных зубов из десен мертвеца торчали другие, длинные и тонкие, покрытые желтизной.

Евгений даже не смог подумать о побеге, ноги подкосились, и он медленно сполз по косяку вниз. Юноша бы выставил руки перед собой, чтобы защититься, но его так трясло, что они просто не поднимались. Евгений не мог поверить, что происходящее было реально, глубоко в душе надеясь, что видит кошмар. Сердце так бешено билось, что до боли давило на ребра.

Послышались шаги; в спальню влетел отец и, споткнувшись у порога, схватился за дверь, чуть не упав. В другой руке он держал топор. Пьяный взгляд упал на Андрея, но мужчина не узнал сына.

В этот момент в Евгении будто бы проснулся рассудок.

– Руби! – крикнул он отцу, забыв о том, что существо, стоявшее перед ним, было ему когда-то братом.

Отец вздрогнул, услышав голос Жени, и обернулся к сыну.

Юноша только успел испугаться, что мужчина отвернулся от мертвеца, как Андрей прыгнул на Николая Замятина, да с такой силой, что они оба вылетели в зал.

Евгений вскрикнул и, подтянув колени к себе, схватился за голову.

– Женя, помоги... – прошептала еще живая мать.

Парень поднял на нее широко раскрытые глаза, и его обуял еще больший ужас.

Женщина, истекающая кровью, тянулась к нему с кровати, простирая красные руки. Глаза, полные мольбы, смотрели на сына, а губы дрожали от страха и плача.

Тем временем из зала послышались звуки борьбы. Разбилось стекло. Рев, словно львиный, наполнил дом.

– Женя! – крикнул отец и зарычал, словно его придавило что-то тяжелое.

Евгений обрадовался тому, что папа был еще жив, однако последовавшие за этим крики, заставили надежду исчезнуть.

Мать тем временем, словно тряпичная кукла, свалилась с кровати. Шея растянулась, и Евгений увидел большую рваную рану, из которой сочилась кровь.

– Женя, – шепнула она, протягивая руку.

«Бежать, бежать, бежать», – кричал голос в голове, единственный голос, который он слышал. Евгений смотрел на мать, но не видел её.

Слабый сквозняк коснулся лица, и он тут же вспомнил про окно. Свет луны, проскальзывающий через раму, словно указывал на спасение. Юноша моментально вскочил на ноги и, не видя ничего, кроме окна, перепрыгнул через тянущуюся к нему мать и вылетел на улицу. Вслед раздался голос отца:

– Женя!

Евгений бежал вокруг дома, по клумбе, ломая кусты с розами, через несколько грядок к калитке. Рука с яростным звоном дернула щеколду, и юноша вылетел на улицу. Страх дышал в затылок. Он бежал и кричал, несясь, сам не зная куда, совсем позабыв, где остальные дома, не видя их огней. Юноша мчался по дороге, слыша лишь оглушительные удары сердца в ушах. Он задыхался, но как только набирал достаточно воздуха, выдавал отчаянный крик. Чувство, что существо вот-вот нагонит, так сильно вцепилось в испуганный разум, что он ни на секунду

не позволял себе сбавить скорость. Евгений даже не знал, гонятся ли за ним, но не оборачивался, боясь увидеть, что мертвец где-то позади, бежит за ним или стоит и смотрит вслед.

Так он бежал несколько минут, растянувшись в вечность. Парень миновал поле и оказался на кладбище среди исполинских и шумных сосен.

Он схватился за ближайшее дерево и с болью в груди вдохнул. Легкие чуть ли не ломали ребра, Женя чувствовал, как каждый удар сердца сжимает виски и бьет по ушам, как по барабану. Юноша даже не понимал, где находится. В ужасе оглядывался, боясь увидеть хоть что-нибудь живое.

«Убежал... Убежал... Я далеко... Он сюда не придет», – думал Евгений, но нутром ощущая, что безопаснее не стало. Чувство, словно за ним наблюдают, не отпускало и крепко держало охваченного страхом юношу.

Испуганный взгляд пробежался по сгнившим крестам и покосившимся памятникам, но парень так и не понял, куда попал. Словно в лихорадке он озирался по сторонам, продолжая жадно глотать воздух. Руки так вцепились в сосну, словно она была его оружием и защитой.

«Боже...», – до Евгения только-только стало доходить, куда его привели ноги. Всюду перед глазами появлялись могилы. От нахлынувшего отчаяния юноша заскулил. Слезы полились из глаз, и он вдруг почувствовал себя таким обессиленным, что готов был сдаться, сесть под сосной и ждать, что будет.

Где-то жутко провизжал филин. Евгений затаился, вслушиваясь в шум ветвей и поскрипывание крестов. Он весь превратился в слух, даже дыхание замерло, но только испуганное сердце продолжало стучать по вискам.

Что-то коснулось его плеча. Евгений лениво, словно обреченный, обернулся, уже зная, что его там ждало. Перед ним застыло лицо Андрея, улыбающееся акульской улыбкой. Темные глаза смотрели весело.

Ноги Евгения побежали раньше, чем он повернул голову. Ботинок зацепился о корень, торчащий над землей, и юноша полетел вперед, прямо на оградку. Острая пика вошла в горло, пронзив насквозь, и вышла сзади у самого затылка. Женя издал клокочущий звук, широко раскрыв глаза, и через пару секунд провалился во тьму.

Ужасное и тяжелое воспоминание поразило его словно ночной кошмар, после которого вздрагиваешь и просыпаешься весь в поту. Но только Евгений знал, что он не проснулся, а кошмар продолжается, ибо все это не было сном. Или все же сон?

Задыхаясь от пережитых воспоминаний, юноша уцепился за эту идею, пытаясь убедить себя, что это лишь кошмар, а самого продолжала бить дрожь. На какую-то долю секунды ему и вправду показалось, что это был сон, и даже стало легче.

«Кошмар... небылицы», – думал он, застрявший по плечи в собственной могиле, и потянулся к вороту рубашки, сильно сдавившему горло. Пальцы коснулись толстого рубца на коже. Евгений замер, предчувствуя кончину своей надежды. Дрожащие пальцы ощупали грубый, стянутый нитками шов от кадыка до подбородка. В памяти вновь возникло последнее воспоминание – падение на пику и провал в темноту.

Схватившись за затылок, он нашел такой же рубец сзади и заскулил. Призрачная надежда на то, что это был кошмар, снящийся ему в гробу из-за недостатка кислорода, растаяла как туман. Жуткая правда вновь, но уже сильнее, так как она осознавалась Евгением, обрушилась на него и он, широко раскрыв глаза, схватился за голову.

– Что я наделал? – прохрипел парень и начал из всех сил извиваться, стараясь выбраться из земли.

Как только ему это удалось, он сразу же побежал прочь с кладбища, да так быстро, что снес оградку вокруг своей могилы и сбил коленом памятник, даже не почувствовав удара. Отчасти потому, что не было в мыслях ничего кроме трагедии, которую он допустил. Юноша

мчался домой, даже не понимая, зачем. Просто от страха, от истерии, охватившей в тот момент, от ощущения, что по его вине случилось что-то непоправимое.

Он спрашивал себя о том, что надеялся там увидеть. Может, стоило бежать к участковому и рассказать обо всем случившемся? О могиле и Андрее, о том, как его закапали заживо? Но, несмотря на мысли, что задерживались в его сознании не дольше чем на мгновение, он продолжал бежать. Нужно было домой. Не для того, чтобы спасти кого-то, где-то в душе он догадывался, что спасать уже некого, но ему было нужно увидеть. Нужно было и все.

Деревья мелькали мимо, а позади юноши росли клубы пыли, поднимаемые ногами. Он и не замечал, как быстро бежал. Не заметил и того, что больше не задышался, а сердце не рвало грудную клетку, желая выбраться наружу. В голове не было ничего, кроме какой-то смутной, неосознанной надежды на то, что кто-то еще жив.

Он остановился у зеленой деревянной калитки. Догнавшая юношу пыль, захлестнула его по поясу и, просачиваясь сквозь дощечки, прошла внутрь.

Евгений сразу увидел открытую нараспашку дверь дома. Та слегка покачивалась на ржавых петлях и ритмично ударялась о стену. Юноша перекинул руку через калитку и отпер щеколду.

Стоило ему ступить шаг, как рядом в сарае раздалось иступленное мычание коровы. Тут же послышалась тяжелая поступь копыт, а за ней и мощные удары в деревянную стену возле юноши, словно обезумевшее животное хотело выбраться.

Евгений с испугу отпрянул прочь, как вдруг в курятнике взбесились куры. Их удары об стены и кудахтанье звучали так громко, что юноша схватился за голову и скорее побежал в дом, как вдруг, у самого порога спохватился и замер, вцепившись отросшими когтями в дверной проем. Парень остановился так резко, словно перед ним была оживленная трасса, а он только что чуть не угодил под тяжелую фуру.

Евгений так и застыл, глядя в коридор дома и не понимая, что его остановило. Он попытался войти, но снова не смог. Не смог не потому, что перед ним возник какой-то невидимый барьер, об который он стучался головой, а по какой-то неясной ему самому психологической установке. Все это казалось настолько абсурдным и бредовым, но в то же время имеющим над ним власть, что ему стало страшно, не сошел ли он с ума. Евгений мысленно обратился к ноге, заставляя ту переступить порог, но она не подчинилась. Не потому что отказала, а потому, что разум не позволил ей войти. Также осознанно и по его воле, словно ему предстояло засунуть ее в медвежий капкан.

«Да что же это такое, если я в свой дом войти не могу?», – подумал Евгений про абсурдность происходящего, в то же время четко понимая, что зайти в дом ему никак нельзя, – «С ума я что ли схожу?».

Он отошел назад и с разбегу рванулся к дверному проему, но в последний момент, рефлекторно схватился за него, да так крепко, что даже сорвал дверь с петель, однако даже кончик носа не пролез внутрь.

В гневе ругая себя за глупость, которая вдруг им овладела, точно какая-то врожденная, дурацкая черта, он начал обходить дом, в надежде увидеть хоть что-нибудь через окна.

Юноша перешагнул через развалившиеся кусты роз, которые недавно, а может и несколько дней назад, раздавил, убегая из дома. Тут же вспомнилось окно, через которое он выбрался из спальни, спасаясь от существа, похожего на его брата. Смутный страх снова овладел Евгением и он, сгорбившись еще больше, чем был, прокрался к тому самому окну.

«А если оно все еще где-то здесь?», – промелькнуло в голове, – «Может, оно знает, что я должен прийти, и ждет там. И, может, знает, что я здесь, и лишь выжидает, когда я покажусь. Вдруг я с самого начала не в безопасности и он все это время следил за мной?».

Его вновь охватила паника. Евгений присел под окном, боясь подняться и увидеть то, что могло находиться в доме, однако же стыд за свой страх, за то, что он как последний трус бросил семью, заставил все таки встать.

Юноша аккуратно приблизился к оконной раме и резко повернулся к раскрытому окну.

В какой-то момент Евгений ожидал, что увидит мать мертвой, лежащую на полу с протянутыми к тому месту, где он сидел, руками. Увидит мертвеца, взирающего на него темными глазами. Но этого не было.

Спальня матери была пуста. Ничего не исчезло, все вещи лежали на тех местах, что и в ту ночь.

«А, может, и не было?», – вновь засомневался Евгений. Он уже был готов начать себя в этом убеждать, но вдруг увидел большое и темное пятно на полу, являвшееся доказательством реальности всего кошмара.

У юноши закружилась голова.

«Значит, правда. Значит, не сон все это», – подумал он, ощущая, как тошнота подступает к горлу. Евгений развернулся спиной к стене и сполз по ней вниз, обхватив себя руками. Испуганный и бессмысленный взгляд уставился в пустоту.

«Значит, было все. Значит, убиты... Умерли. Оно убило! Андрей! Или не Андрей? А кто же, если лицо его? Мертвец оживший. Да разве у мертвецов бывают такие зубы и когти? Андрей бы никогда не убил маму и папу. Боже, мама! Папа! Мертвы! Все мертвы!», – вдруг осознал он, и эта мысль, точно массивная кувалда, раздавила его.

Евгений уронил голову между колен и громко, что было сил, зарыдал, да так истошно, с такой болью, которая даже не успела раскрыться в полном размере, а уже рвалась криком, заглушавшим рев коровы.

Внезапный порыв ветра хлопнул окном над головой Евгения, и юноша тут же в страхе вскочил, уже думая бежать со всех ног. Он тут же забыл о своей боли, но внимание его привлекло другое, куда более страшное обстоятельство, которое ему пришлось увидеть в закрывшемся окне.

Тучи растеклись над домом, и злорадствующая луна пролила свет на стекло перед Евгением, превратив его в зеркало.

Юноша вскрикнул и схватился за лицо, с отвращением и страхом глядя на свое отражение. Ему показалось, что на него смотрел Андрей, с его темными глазами и острыми, как у акулы зубами, но испугался еще сильнее, когда понял, что это был он сам. Дрожащие губы разошлись в стороны, как у старика при инсульте, обнажая длинные как вязальные спицы шипы, торчащие из десен. Кончиком языка он провел по зубам, в надежде, что все это мерещится, но все же почувствовал эти чудовищные иглы. Безобразное отражение повторяло за ним.

«Боже мой, да что же это такое?», – думал он, а из мутных глаз текли слезы, – «Мамочка, что со мной? Помогите мне...».

Он, словно еще не веря, коснулся пальцами острых зубов и неожиданно укололся. Поднеся ранку к свету, чтобы посмотреть, не идет ли кровь, Евгений увидел свои длинные ногти и тут же вспомнил: точно такие же были у существа, напавшего той ночью на семью.

Ему вдруг померещилось, словно его отражение превратилось в Андрея и подмигнуло ему. Кровь ударила в голову. Все вокруг закружилось, и юноша вне себя от отчаяния, закричал и из всех сил ударил окно. Стекло вдребезги разбилось, и осколки разрезали ладонь.

Евгений одернул изувеченную конечность, но тут же закричал, увидев, как порезы начали моментально зарастать, подобно сходящейся воде, в которую кинули камень.

– Да что же со мной такое?!

Вдруг близко раздались мужские голоса и шаги, приближающиеся к дому. Совсем рядом кричали. Столбики света от фонариков заплясали меж досок в заборе. Послышался вой и рычание собак.

Евгению показалось, что его окружают со всех сторон. Он пригнулся к земле, оглядываясь вокруг, и побежал по грядкам туда, где, как ему казалось, было тише.

Калитка громко распахнулась. Не успел Евгений развернуться, как раздался хлопок выстрела, и где-то рядом вверх взмыло облачко земли. Он тут же вскочил на ноги, прыгнул на забор, повалив его, и побежал в поле.

Позади раздались крики: «Стреляйте! Вон там он! У забора!».

«Боже, стреляют! Убьют! Пристрелят!», – юноша бежал изо всех сил и спиной чувствовал, как в него метят ружья.

«Да за что же? Что же происходит? Убьют, догонят, догонят!».

Прогремело еще несколько выстрелов, но уже более тихих, приглушенных, словно звучащих издали. Что-то твердое, точно град, оросило Евгению спину, и он, взвизгнув, упал на четвереньки, почему-то решив, что ему так удобнее, и рванул в пшеницу.

Подобно гиене, он мчался через поле. В голове не проскакивала ни одна мысль, только страх, заставляющий бежать в неизвестном направлении. Он смотрел перед собой и даже не думал останавливаться, пока вдруг разум не прояснился:

«А куда мне бежать? К кому? На кладбище? Или к участковому? Боже, да куда же я в таком виде?», – подумал он и крепко зажмурился от гнева и безнадежности, охватившей его в тот момент. На каждый скачок, руки с жуткими когтями вылетали вперед. Как только юноша их увидел, то сразу одернул назад и от того упал прямо лицом в землю, перекрутился и распластался среди стеблей пшеницы.

При падении кончик языка попал между острых зубов, и они отсеки его, словно гильотина. Солоноватая кровь наполнила рот. Он тут же проглотил ее и облизал губы, а после начал обсасывать язык, стараясь выжать из него еще крови, но тут же вздрогнул, встал на корячки и сплюнул в землю.

– Да что со мной такое?! – закричал парень на все поле и упал лицом вниз, обхватив голову руками.

Ветер выл над юношей, а колосья хлестали по спине. Где-то рядом шептал лес, словно обращаясь к Евгению. Ему казалось, что все они говорят с ним, кричат, требуют от него объяснений, которые он даже себе не мог дать. Женя закрывал уши, стараясь заглушить их голоса, но тогда его собственные лихорадочные мысли становились громче. Его вновь стало все теснить. Теснило противное ему тело. Юноше хотелось вырваться из него, порвать одежду, порвать кожу и выскочить из плоти прочь.

«Оставьте меня! Оставьте! Не трогайте! Я ничего не знаю! Пожалуйста! Помогите мне!».

Язык случайно коснулся острых зубов, и Евгений, ощутив сильную жажду, вновь начал его обсасывать, но резко остановился, опять поймав себя на этом занятии.

«Не слушаются!», – он сжал ладонь в кулак и начал бить себя по голове, стараясь вернуть контроль, но мысли кружились в голове, вертелись как ураган, из которого он ничего не мог взять. Ураган затягивал его самого.

Взгляд темных глаз Евгения также вращался и крутился. Тошнота подступила к горлу, и юноша свалился на спину, уставший от бреда и своего лихорадочного состояния. Он раскинул руки и почувствовал, как оцепенение и апатия наваливаются на него, как успокаивается голова, а ему становится решительно все равно на то, что случилось.

«Ничего не хочу. Плевать. Останусь здесь и буду лежать», – он смотрел на небо, следил за луной, молчаливо взиравшей на него в ответ.

Ему внезапно стало приятно ее бледное мраморное лицо. Оно приносило прохладу в голову и успокаивало мысли. Маленький светящийся диск среди мрака.

«И ровно надо мной», – подумал Евгений в своем новом и шатком спокойствии, которое казалось ему лишь затишьем перед новой бурей. Короткой передышкой между приступами бреда, чтобы не сойти с ума окончательно.

«Нужно решать, что делать», – боязливо подумал юноша, опасаясь нарушить свое хрупкое спокойствие, а потому начал размышлять осторожно, не напоминая себе о зубах и когтях. Даже язык расслабил, точно не было необходимости держать его подальше.

«Нужно в город бежать... Точнее идти. Найти врачей, хирургов всяких. Удалить эти... Они вылечат, наверняка вылечат».

Он резко переменялся в лице.

«От чего вылечат? От того, что уже один раз умер? Тебя не заживо похоронили, а мертвого. На пику же упал. Что за болезнь такая, что человек воскресает?».

«Генетическая», – тут же ответил он сам себе, заранее подготовленной фразой, – «Вдруг и у Андрея такая была? Логично ведь».

Однако логичным ему это не казалось. Не мог мертвый воскреснуть, после такого.

«Нет, друг, сам же понимаешь. Сам же догадываешься, какая это проблема! Не научная, совсем не научная».

– А какая? – спросил он себя с дрожью в голосе, лишь бы отсрочить ответ, который и так уже знал.

– Религиозная, – как приговор прозвучал собственный голос, и только паника начала охватывать его самого, добавил: – А религиозную проблему нужно решать в церкви. Не врачи тебе помогут, а Бог.

С этими мыслями, он поднялся на ноги и, сам дивясь тому, как легко поддался такой идее, побрел через поле к лесу, где раскинулось кладбище с церковью.

Уже выходя из колосьев, он не верил в состоятельность своей затеи и сам полагал, что с бреду так решил. От эмоционального перенапряжения поверил, что какой-то Бог ему поможет, но, несмотря на это, точно заипнотизированный, продолжал идти.

«Семен Захарович поможет», – вдруг объяснил он себе свой поступок и твердо решил, что так и есть. И убедился в этой мысли так крепко, что и забыл о своем отвращении к батюшке, отпевавшем Андрея.

Вскоре юноша вошел на кладбище. Не видя гнилых крестов, наполовину съеденных термитами и кладбищенской влажностью, ни осыпающихся памятников, Евгений шел прямо по могилам. Переступая через оградки, он цеплялся за пики и сносил их, точно не замечал. Его воспаленный бредом, затуманенный как у околдованного взгляд, блуждал по соснам, что с каждым дуновением ветра стонали и словно старались достать до него.

«Семен Захарович поможет, он человек добрый. Пусть и пьет. Пусть и отпевает плохо, но в помощи не откажет. Хороший человек... В город поедем, а там всем скажет, что со мной приключилось и поможет... И скажет... Кто знает, может, он молитву знает какую-то. Есть же бабки целительницы на свете и все верующие. Может, и он такой. Может, и ехать никуда не придется. Прямо в церкви прочитает, и я поправлюсь. А почему нет? Может, Бог и есть. Если уж я воскрес, значит и Бог есть...».

Евгений болезненно улыбнулся, а в глазах застыл ужас и отчаяние. Он сам понимал, какой бред блуждал в голове и чувствовал, что стоит только дать слабину и он тот час же сорвется в припадок и вновь побежит, куда не глядя от самого себя. Оттого и шел он, улыбаясь, стараясь успокоить рассудок, в то время как голова была готова лопнуть. Руки он держал вдоль туловища, лишь бы случайно их не увидеть, а язык прятал как можно дальше от зубов. Однако

от постоянных напоминаний самому себе, он только больше раздражался и нервничал, а оттого спешил быстрее. Быстрее в церковь, пока вновь не поддался панике.

И снова тревога сжала грудь, и юноша, сильно сторбившись, схватился за голову и, перепрыгивая через могилы, пустился к церкви.

Во мраке леса блеклым белым пятном, подобно призраку, виднелась церквушка. Небольшая, с двумя куполами, под одним из которых висел необычно большой чугунный колокол. Валящий из окон желтый свет, отгонял мрак в округе. Евгений бежал прямо на нее, словно собирался влететь в стену, но у последней сосны резко остановился, притаился за её стволом и пугливым взглядом посмотрел в окно. Яркий свет, подобно солнечному, пролился на лицо юноши, и тот сморщился, словно его облили из лужи. Он спрятался за ствол и стал думать.

«Не спит окаянный», – подумал парень как-то со страхом, но тут же возмутился: – «А почему это плохо? Разве я не за помощью к нему пришел? Да что же со мной такое?».

Не дожидаясь ответа от самого себя, словно на автомате, он обошел церквушку, при этом оставаясь в тени, и остановился прямо напротив двери.

«Опять как у дома получится. Не войти. И что тогда делать? Надо как-нибудь так организовать, чтобы не уцепиться за дверь, как-нибудь разбежаться...», – только подумал он и, не заканчивая мысль, стал отходить назад, набирая место для разгона. Евгений даже обрадовался, что теперь мог быстро бегать, да только не для этого ли он пытался попасть в церковь, чтобы избавиться от особенностей своего недуга? Юноша вновь поморщился и ударил себя по голове, стараясь собраться с мыслями. Темный прямоугольник дерева дрожал в отражении глаз.

Евгений опустил на одно колено, и только когти коснулись земли, сразу же рванул вперед. Из-под ботинок взметнулась земля. Он стрелою пронесся пятьдесят метров, а когда до церкви оставалось совсем чуть-чуть, прыгнул, обхватив себя руками, и полетел вперед. Руки, как и тогда, машинально разошлись и вцепились в проем, но Евгений летел так быстро, что сломал дверь и вырвал проем из кирпичной стены.

Так и ввалился он в храм божий, с осколками камня и дверной рамой на плечах.

Подняв голову, Евгений понял, что упал прямо на пол в притворе, небольшой комнате, служившей чем-то вроде прихожей в храме. Под сводчатым отштукатуренным потолком висела люстра, в левом углу от следующей двери стоял бачок со святой водой.

Евгений только начал подниматься, пытаясь вылезти из выбитой деревянной рамы, как вдруг услышал чьи-то быстрые шаги в следующей комнате.

«Уйдет», – с охотничьим азартом подумал он и, не снимая рамы с плеч, влетел в новую дверь. Та тут же сорвалась с петель и чуть не пришибла батюшку, от страха распластавшегося на полу.

Слева у окна стоял большой деревянный крест с распятым Иисусом Христом, справа – высокий подсвечник, полностью забитый зажженными свечами. От запаха воска и меда у Евгения защипало ноздри, и заслезились глаза. Под высоким потолком слегка покачивалась широкая позолоченная люстра.

Семен Захарович, весь красный и мокрый от слез, лежал на помосте, рядом с опрокинутой золотой чашей. Как только его маленькие пьяные глазки увидели Евгения, мужчина было вскочил и побежал, но, запутавшись ногами в рясе, тут же свалился обратно.

– Не трогай меня, прошу! Пожалуйста! – закричал батюшка, и Евгений вздрогнул.

«Неужели он знал, что я иду?», – подумал юноша, снимая раму с плеч. Нога застряла в углу в тот момент, когда верхняя часть оказалась над шеей. Парень начал терять равновесие и надавив ногой на дерево, сам себя же и уронил.

Мужчина, увидавший это, вновь вскочил на ноги и бросился к стене позади себя, в которой были одни небольшие ворота посередине и две двери по бокам.

– Подождите! – крикнул ему Евгений, пытаясь выбраться из рамы, но Семен Захарович его не слушал.

Юношу охватила такая злость, что чуть надавив на дерево, он разломал проем пополам.

Батюшка уже зашел в другую комнату, но только начал запереть ворота, как Евгений тут же набросился на них и выбил. Семен Захарович, получивший ногой в лицо, словно мешок отлетел в позолоченное кресло у стены напротив. Деревянные ручки и спинка с треском отлетели в стороны.

Евгений широко открыл рот, сам поражаясь своей силе.

Батюшка сполз на пол. Между толстых губ забелел пенек выбитого зуба, а толстый нос превратился в свиной пятак, из которого на черно-золотистую рясу струилась кровь. Свинычьи глазки со страхом смотрели на юношу, а в их уголках начинали блестеть слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.